

Глеб Иванович Успенский

«Взбрело в башку»

Кой про что

Глеб Успенский
«Взбрело в башку»

«Public Domain»

1885

Успенский Г. И.

«Взбрело в башку» / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1885 — (Кой про что)

«...в окончательной редакции Успенский показывает нам сложную психологическую драму, вызванную определенными социальными условиями и истолкованную писателем при помощи его теории «власти земли». Соответственно этому коренной переработке подвергся образ Ивана Алифанова – вместо рядового крестьянина первой редакции, выбитого из привычной колеи волей «слепого случая», во второй редакции мы встречаемся с умным, независимым, волевым человеком, благородным и совестливым. Сложнее даны и его переживания, связанные с воспоминаниями о его первой любви, освобожденные во второй редакции от всех элементов плотского, чувственного; многообразнее показаны и его взаимоотношения с женой. Муки, страдания и падение Ивана Алифанова во второй редакции объясняются отходом его от «трудовой тяготы» крестьянской жизни, появлением в деревне «не-деревенских» неожиданностей, «не-деревенских» переживаний, городских «сентиментальностей»...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

«Взбрело в башку»

(Из записок деревенского обывателя)

I

...Утомителен и однообразен наш деревенский «недосуг». Суетою сует переполняет он дни и годы нашего деревенского существования, владеет всем нашим существом от колыбели и до могилы и, увенчав могильною насыпью иногда многолетнюю недосужную жизнь деревенского человека, не оставляет о нем среди продолжающих жить людей почти никаких поводов к воспоминанию. Но если вся наша деревенская жизнь наполняется только такою суетою сует и таким, повидимому, пустопорожним недосугом, то каково же должно быть наше душевное состояние, если судьба неожиданно пошлет нам «досуг» и повелит на некоторое время прекратить суету сует, призовет нас к спокойствию, отдохновению и даст на некоторое время право позабыть хоть на несколько часов деревенскую злобу дня? Тут нам, настоящим деревенским обывателям, уж и совсем нехорошо, совсем скучно становится, и самый лучший исход – лечь среди бела дня спать. Но и этот-то способ употребления «досуга» водворен в народной жизни не без усилий со стороны посторонней власти и влияний: не работать, прекратить на время суету сует, – убеждает народ батюшка с амвона; надо же, говорит он, и богу посвятить день, почтить его, не все только своекорыстная возня около своего дома и своего добра. Надобно не пожалеть денег на свечку. Некоторые угодники требуют прекращения работы под угрозой известным наказанием: в известные дни нельзя работать железом, нельзя прясть пряжу и т. д. На том свете, в аду, по рассказам старух, которые сами в обморочном состоянии бывали там, на небе, и которых ангел водил по мытарствам, – всегда указаны с точностью муки, которые испытывают мужики и бабы, не соблюдавшие пятницы, работавшие по праздникам. Бабы, например, которые работали по пятницам, задыхаются там, на том свете, в избах, наполненных кострикой: им нельзядохнуть, нельзя открыть глаз – кострика окутывает их непроницаемым облаком. «Все жадность наша! – говорит приверженный к дому хозяин, не вытерпевший до захода солнца и потихоньку от взоров угодника, запрещающего работу, постукивающий где-нибудь в темном уголке сарая топором. – Жадность в нас ненасытная!» Если ж господа землевладельцы жалуются на рабочих, что у них оказывается чуть не триста шестьдесят праздников в году, так ведь здесь уж совсем иное дело; у хозяина – поденщина, *не свое хозяйство*, и в этом случае стоять за праздники, за то, что грех, мол, не хочется взять на душу, прямой расчет для мужика. Тут он уж и сам стремится отвоевать себе всячески как можно больше досугу и большею частию сладко спит в эти сладкие часы. Хорошо спят мужики среди бела дня, крепко, сладко. Тишина в деревне «после обедни» удивительная. Солнце сияет, воздух струится жаркими колебаниями, а деревня сладко спит: кто на лавке, кто на полатах, кто на сеновале – все; старики и старухи, молодые и старые бабы, здоровенные работники-гиганты – все это растянулось, разметалось, где пришлось, и наслаждается безграничным блаженством сна.

Случись в эту пору появиться в деревне какому-нибудь начальству, не только по какому-нибудь серьезному, не требующему отлагательства делу, но просто для перемены лошадей, и то мертвая тишина и мертвое безмолвие спящей деревни может вывести его из пределов терпения. Волостное правление отперто, и веселый ветер, хлопая незапертою рамой, играет разными «строжайшими» предписаниями, таская их без всякой церемонии по полу и присутственному столу. «Эй, кто там?» – может вопить начальство во всю силу голоса, но никто ниоткуда ничего на это не ответит. Можно стучать ногами, кулаком, кричать, заставить кричать на весь двор

ямщика, – ни звука! «Эй!» – будет вопиять ямщик, стуча под окнами. «Эй, кто-нибудь!» – будет вопиять начальник, и в ответ им только безмолвие, солнце и тишина; ни признака чего-нибудь живого, или хоть движущегося. Даже в домах причта – у батюшки, у дьякона – все немо и неподвижно; если ямщику и удастся разбудить работницу, раскачав ее за жирный бок, то и она, в конце концов, только почешет этот бок и перевернется на другой. «Что они, вымерли, что ли, тут все?» Вот к чему придет выведенный из терпения начальник, пока на выручку ему не явится какая-нибудь ветхая, терпеливо поджидающая смерти, старушка, не спросит беззубым ртом: «кого надо?» – и не укажет рукой, где надобно искать живых людей.

И я думаю, что «спать» крепко и сладко – значит самым разумным образом употребить деревенский досуг. У пьющего есть кабак, а у непьющего? Ведь, пожалуй, как останешься без суеты сует, да, побоясь огорчить угодника, не посмеешь тронуть топора, да не будешь спать, так придется сидеть да «думать», а ведь это дело трудное, трудное уже только потому, что понять невозможно, из-за чего живешь на свете? Зачем вся эта суета сует, эта ежедневная маята из-за скотины, из-за податей? Да мало ли чего «взбредет в башку», ежели начать на досуге думать обо всем, доходить до всего, разбирать свою жизнь – как, что, почему, как бы лучше, да почему хуже, да отчего то не так вышло и это сделалось не по желанию и вкусу, а совсем наоборот? Коли все это обдумать, так ум за разум зайдет. Лучше бы, конечно, взять топор, да... да угодник осерчает: нельзя железом работать – овса не уродит!

– Пойти хоть на сеновале полежать! – говорит томимый досугом житель и успокаивается в безмятежном сне.

А вот один мой знакомый мужик, Иван Алифанов, человек, всегда удалявшийся от общения с односельчанами, сухой, молчаливый, нелюдимый, пользовавшийся недоброю славой «острожного» и всячески остерегавшийся пробудить в неласковом к нему обществе воспоминания о его прошлом, – вот этот-то человек, многие годы державший себя самого в «ежовых рукавицах», понемногу, под влиянием *досуга*, стал подумывать «о своей жизни», и от этих дум взбрело ему в башку такое ни с чем «несообразное», что он мало того, что взбудоражил всю деревню, а и сам-то еле жив остался, чуть не помер, да только бог его спас – сжалился над ним... А не думал бы, так ничего этого и не было бы... Хорошо хоть бог-то спас, и то слава богу!

II

Досуг, благодаря которому Ивану Алифанову «взбрело в башку» нечто несообразное и едва не уложившее его в могилу, был не какой-нибудь кратковременный, ординарный, праздничный досуг, который и не заметишь, как проспшишь, а досуг особенный, давший возможность вообще всему крестьянству всей округи вздохнуть, «сообразиться» и отдышаться в течение почти всей осени. Причина такого необыкновенного досуга – необыкновенный в наших трясиновых местах урожай прошлого года. Опахнул этот урожай своим благословенным крылом всю нашу округу – все эти лачужки, плетушки – на большое пространство; опахнуло это крыло теплом, и покоем, и сладким отдыхом множество земледельческого народу, и притом почти на все осенние и зимние месяцы, вплоть до поста. Все клетки – всех окладных листов, всех бюджетов – были в изобилии засыпаны хлебом, овсом, льном, картофью, огурцом и капустой – гриб только не объявился: все у него отняли прочие, более серьезные растения; но об этом никто не печалился. Хлеба, овса, всего было довольно, «слава богу», и у всех осталось после наполнения доверху всевозможных бюджетов всего много. Редко это, чрезвычайно редко бывает в наших местах, но когда бывает хоть на неделю – хорошо и весело смотреть на белый свет. Это именно год, когда мужику придет охота купить книгу, картинку, потому что есть на что купить; год, когда придет в голову пойти послушать, как мальчонка у соседей книжку читает – словом, год, когда досуг настолько продолжителен, что иной крестьянской голове, обречшей себя на вечную печаль и тоску, окажется возможным просветлеть, ободриться, осветиться радостною мыслью... Повалившаяся лачужка преобразилась в новый домишко, появилась в безлошадном дворе лошаденка – и почерневшее от мрака душевного лицо просветлело и повеселело. Хорошие это времена в жизни крестьянина!

Этот урожайный, то есть не праздничный, а исключительный досуг отразился на Иване Алифанове особенно благоприятно; он жил с женой только вдвоем, детей у них не было; а урожай уродил так много, что даже с первых дней осени Иван Алифанов не нашел нужным продолжать своего извозчицкого промысла, стал ездить на вокзал в неделю раз, два, а иногда и по неделям не нуждался в заработке; урожай заставил его подумать о себе попокойней, подумать о скотине, которую он за летнее, дачное время и рабочую пору порядочно-таки загонял, и Иван Алифанов стал думать.

Прежде всего он увидел, что у него уже лет восемь как болят ноги; по ночам ревматические боли, не дают ему сомкнуть глаз, и жене он покою не дает. По временам он брал в аптеке какую-нибудь мазь, мазал ею ноги, но так как за недосугом дома побывать было нельзя, нельзя было и полежать, а надо было в полночь и за полночь ехать, куда наймут с вокзала, то ноги продолжали болеть, как им болелось. Теперь он «на досуге» почувствовал, что они болят самым настоящим манером и что болеть как-нибудь хуже, пожалуй что, уж и нельзя; он разулся, осмотрел эти ноги, которых он «путем» не видал, может быть, всю жизнь, «ужахнулся» их ужасному виду, этим налившимся кровью жилам, этим опухлым местам, к которым оказалось больно притронуться пальцем, удивился всему этому, увидел, что «таким родом» можно остаться и без ног, и решил лечиться серьезно.

В аптеку, к фельдшеру, даже к доктору он не пошел: «пробовал, мазал – не помогает»; а по совету вокзального буфетчика, у которого ноги от непрерывного в течение всей жизни стояния за буфетом страдают всевозможными недугами, купил в аптеке трав под общим названием «декоп», рецепт которых написал буфетчик. «Декоп» был настоян на водке; надо было его пить по три рюмки в день: утром, в полдень и вечером, а когда почувствуется облегчение, то и по четыре. Все это Иван Алифанов припас, устроил как должно и принялся лечиться. Не будь урожая, не было бы досуга; ноги Ивана болели бы без лекарства, и ему некогда было бы даже и «оглядеть» их хорошенько. Теперь же, благодаря досугу, он их оглядел, увидел, что

они больны, что надо лечиться, что можно лечиться, и, перекрестившись на образ, осторожно налил первую рюмочку «декопу», а затем и выпил.

И пошло по «всему суставу» Ивана Алифанова тепло, и стало ему приятно. «Приятное» душевное настроение дотянулось и до второй рюмочки «декопу», и до третьей, и весь этот первый день лечения, первый день отдыха и забвения суеты сует, прошел для Ивана Алифанова приятно, ново, не как обыкновенно; после второй рюмки «декопа», часов в одиннадцать дня, Иван Алифанов пообедал и, против обыкновения, лег спать, укрывшись шубой; спал он бесподобно, до того что потом едва отпился чаем и привел себя в чувство; третья рюмка «декопа» опять хорошо на него подействовала, и накопленной годами усталости оказалось настолько достаточно, чтобы, и выспавшись после обеда, можно было богатырским сном проспать и всю ночь до утра.

Но по мере того как Иван Алифанов благодаря досугу и «декопу» все более и более осваивался с необычным для него положением отдыхающего человека, все нажитое и пережитое им в обычное время жизни стало понемногу заявлять ему о себе и о том, что от него остались в душе и теле следы неизгладимые. Прежде всего стало заявлять о своих попорченных жизнью правах тело, а потом заговорил и дух. Кроме «до ужаста» больных ног, которые можно было увидеть во всем их потрясающем виде только благодаря досугу, на третий, четвертый день отдохновения заговорила и спина. «О-о-ох!» – простонал Иван Алифанов, поднявшись с постели после необычного в обыкновенное время отдохновения; отдохнувшие больные ноги стали так чувствительны, что, оказалось, ступать надо с осторожностью. Заболели бока, под ложечкой стало подпирать точно кулаком, под скулой что-то начало напухать.

«Старость!» – с испугом подумал Иван Алифанов на пятые сутки отдохновения, еле передвигая ноги от постели до окна с бутылкой декопа. Эта мысль так неожиданно испугала Ивана Алифанова, что он, не обдумавши, что делает, выпил сразу две рюмки декопу, и уже не с приятностью, а с огорчением; декоп, горький и жгучий, падал куда-то в «горькое место», которое стал ощущать Иван Алифанов под сердцем. Точно уголем жег декоп «горькое» больное место, и Иван почувствовал, что именно там, в горьком месте, под сердцем, стала шевелиться вся его прошлая жизнь, о которой он уже и позабыл за недосугом.

«Почитай что уж к могилке дело идет!» – с горечью думал он, отирая рот после второй рюмки; и с испугу и с предчувствием каких-то мрачных воспоминаний, которые у него зашевелились «под сердцем», он, чтобы сразу сбросить с себя неожиданную тоску, надел проворно шапку, накинул полушубок и вышел на двор по хозяйству. Хозяйство всегда разгонит «мысли», отвлечет внимание от своего горя.

Он вошел в сарай единственно только с сознанием необходимости заглушить тоску, точившую сердце. Только с этою исключительно практической целью взял он вилы и стал поправлять висевшие с сеновала клочья сена, в чем в сущности не было особенной надобности. Он работал вилами, нетерпеливо ожидая, когда перестанет «глодать» его душу, когда им завладеет интерес к каким-нибудь хозяйственным мелочам, он тщательно прислушивался к своему сердцу: «не затихает ли там? не забывается ли?» – и вдруг...

Вдруг, нежданно-негаданно, но сразу, мгновенно в тоскующем сердце и в скукавшем уме, без малейшего повода, в мельчайших подробностях возник образ Аннушки, девушки, которую Иван Алифанов крепко любил в юношеские годы и из-за которой потом вся жизнь Ивана Алифанова превратилась в ужаснейший мрак. Аннушка не просто вспомнилась Ивану, а прямо ощутилась тут, рядом с ним, с человеком, который еле держится на ногах, который держит «с горя» в руках дурацкие вилы, стоит ногами в навозе. Молодая, бойкая, умная, ловкая, смелая, продувная девушка, она, с своими карими глазами, влекущими к какой-то неиссякаемой радости, прекращающими всякую тревогу жить на свете, она, которая сама первая дернула его за рукав и шепнула: «пымай!» – словом, вся она, живая, до поразительности ясно ощутимая, не просто только вспомнилась Ивану, а вполне ощутилась тут, рядом с ним, в сарае, и даже

голос ее он услышал совершенно ясно – смешливый и любящий. Аннушка до того неожиданно воскресла в душе Ивана и притом до того явственно ощущалась им, что Иван даже оглянулся на избу: «не увидала бы жена!» Так ему чувствовалась близость к нему самой Аннушки; он ощущал почти ее прикосновение, как в былые времена, ее теплое плечо, за которое он ее тогда «пымал» в первый раз.

Точно полымя разлилось совершенно внезапно по всему существу Ивана. В пот его ударило. Аннушка как огнем охватила его ум и сердце – словом, вся воскресла в нем в том самом виде, в тех самых ощущениях, как и в старину. И Иван так оторопел от этой неожиданности, так испугался этого образа, что даже проговорил:

– Тьфу ты, каторжная!.. Ишь!.. Сколько годов прошло... Взбрдет же в башку!..

Он до того испугался этого призрака, что со страхом огляделся вокруг себя, оглядел сарай и с сердцем, бьющимся от испуга и от какого-то необыкновенного ощущения, с необыкновенным проворством принялся ворочать вилами, уже без всякого смысла, лишь бы отделаться от неожиданного потрясения.

– Чего тут! – урезонивал он себя с величайшею строгостью. – Ноги не ходят... спина скрипит... в могилу того гляди... Эко! Господи помилуй! И сама-то уж калека... старуха... Сохрани и помилуй, господи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.